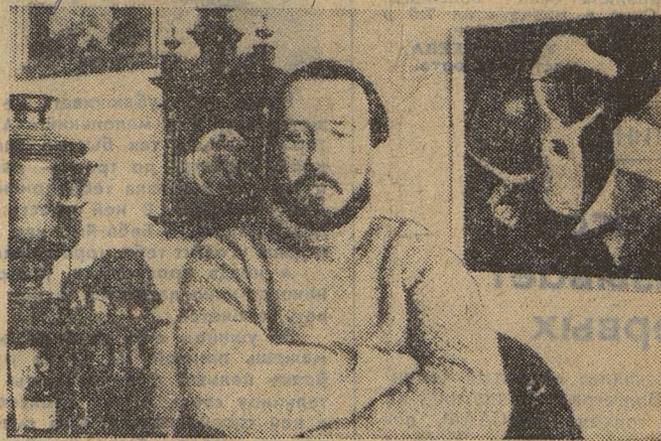

Молодые женщины Волгоград, 1984, 18 лет

На меня смотрят темные, острые, пытливые глаза молодого художника. Глядя в них, понимаешь, что его слова о стремлении каждодневно учиться, искать новое — не поза. Все творчество Владислава Ковалья говорит о движении, непрестанном поиске. Это создатель декоративных и театральных плакатов, эстампов и миниатюр-экслибрисов, почтовых марок, книжных иллюстраций...

Если заглянуть в его мастерскую, здесь увидишь станковую живопись, прекрасные рисунки, сделанные в различной технике. И во всех этих произведениях звучит жизнелюбие художника, глубоко ощущающего радость бытия.

Иллюстратор... Каждый истинный художник — личность неповторимая, обладающая особым видением мира. Соблюдая все условности и правила искусства, он все же ощущает совершенно оригинально и природу, и человека. Но если художник предстает в роли книжного графика, иллюстратора, то в его художническое сознание властно вторгается кто-то другой, предлагая свой строй образов, свое видение мира. Происходит перестройка всего хода творческого процесса.

НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ ВОЛГОГРАДСКОГО КОМСОМОЛА

И СЛЫШИТСЯ В РИСУНКЕ МУЗЫКА

Владислав никогда не начинает работы над отдельными иллюстрациями, не осмыслив, не прочувствовав всю книгу, не собрав весь нужный материал, а главное, не создав макета будущего издания. Иногда говорят, что Коваль создает станковую графику, то есть самостоятельные произведения, не подчиненные конструкции книги, — это совсем не так. Художник никогда не пытается подменить всю сложность психологической ткани книжной иллюстрации, ее глубину декоративными решениями, заставками, оригинальными спусками, что, конечно, нужно, но никак не может заменить основного — пластического выражения действия, времени, «аромата» литературного произведения, зримых образов ее героев.

Интересно, что Коваль, создавший уже десятки иллюстраций, совершенно лишен какого-либо шаблона, привычного приема в решении листа. Его рисунки к детским книжкам радуют прозрачностью и

ясностью, а иллюстрации к «Бюг-Жаргало» В. Гюго напряжены и динамичны. Художник умеет подчинить свою «гордыню» отличного рисовальщика композиционному решению всего произведения — так расставить акценты, так скомпоновать макет книги, что появляется как слитность гармония текста и изображения.

— Чаще всего мне приходится иллюстрировать детскую литературу, что я делаю с огромным удовольствием.

Владислав показывает на полку, уставленную яркими красивыми книжками.

— Но это, поверьте, очень трудно. В этом случае задача иллюстратора отнюдь не в том, чтобы продублировать текст автора изобразительным рядом. Иллюстратор должен сделать зримым то, что глубоко скрыто в самой сердцевине произведения.

Владислав проиллюстрировал большое число детских книг, успешно сотрудничая не только с Нижне-Волжским издательством, но и с москов-

ским «Малышом».

Рисунки Ковалья, его станковая графика — предмет особого разговора. Портфель художника заполнен превосходными натурными и композиционно построенными листами, он свободно владеет акварелью, гуашью, темперой. Он живописец со своим своеобразным видением природы... Но вернемся к рисункам. Рисунок определяет конструкцию огромного станкового полотна и миниатюрной гравюры на дереве. Ведь художник именно в рисунке раскрывает все свои личные качества — оригинальность взгляда, свежесть и первичность ощущения природы. Рисунок — альфа и омега искусства художника. И Коваль владеет рисунком мастерски, что позволяет ему с такой внешней легкостью решать самые трудные задачи. Но за кажущейся простотой — большая школа, культура и самодисциплина труда. Владислав — на редкость энергичный и целеустремленный художник.

— Сегодня мы воздаем дол-

жное Микеланджело или Тинторетто не только за их гениальную живопись, но и за ту мощь и очарование, которые несут их рисунки. Такой рисунок уже сам по себе является произведением искусства. В наше время станковый рисунок получил широкое и оправданное развитие, — продолжает Коваль. — Вопросы профессионализма, умения, мастерства необычайно остро стоят сейчас, когда дилетантизм и пустое формотворчество еще проявляются нередко в работах молодых живописцев и графиков.

Коваль всегда верит в умного, заинтересованного читателя-зрителя. Его работы требуют от нас не только эмоциональной отзывчивости, а такой же вдумчивости, такого же пристального чтения, как и сам литературный текст.

А самое привлекательное в Ковале то, что он и не думает почивать на лаврах. Влюбленность в искусство помогает ему достичь сложной простоты, доступной лишь художникам, которым кроме природного дара, присуще еще умение много и плодотворного трудиться.

Л. ВОРОНИНА.